

© Морган И. Лью

ДОВЕРИЕ И ВЛАСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: патронаж, негосударственная власть, постколониальность, доверие

Негосударственные акторы играют все более важную роль в обществах и экономиках Центральной Евразии, иногда предлагая услуги местным сообществам, которые должны оказывать государства. Эти акторы часто являются покровителями, способными предоставлять значительные ресурсы через отношения взаимных обязательств и доверия. Однако они не в полной мере осмыслены учеными как выражение тенденции, которая имеет важные следствия в отношении форм, которые сегодня принимает власть в регионе. В эссе описываются несколько примеров этих локальных формаций доверия и власти. Они рассматриваются как постколониальные антропологические проблемы, требующие исследования.

Последние исследования в Центральной Евразии доказывают интересную и потенциально важную деятельность негосударственных субъектов. Группы и организации, действующие в различных сферах общества, оказывают влияние на жизнь людей на таком уровне, что могут соперничать с государственной властью. Данные субъекты развивают местную экономику, создают инфраструктуру, обеспечивают политическую стабильность и безопасность, увеличивают социальный и интеллектуальный капитал (например, строят и финансируют школы), предлагают социальную защиту для безработных и пенсионеров, создают СМИ и религиозные институты. В совокупности они дают представление о сложном постколониальном устройстве власти в Центральной Азии, где происходит множество процессов и можно наблюдать не только деятельность государств. Однако эти субъекты не похожи на то, что западные аналитики склонны представлять как «гражданское общество» или неправительственные организации, а скорее являются результатом политико-экономического и социально-исторического развития Центральной Евразии. Кто эти негосударственные субъекты, чем они занимаются и как им удается иногда выполнять почти государственные функции?

Морган И. Лью. Университет Штата Огайо, факультет антропологии, факультет восточных языков и культур, 300 Хагерти Холл, 1775 Колледж Роуд, Колумбус, штат Огайо 43210-1340, США. liu.737@osu.edu. <https://orcid.org/0000-0003-0295-3975>.

Для цитирования: Морган И. Лью, Доверие и власть в Центральной Евразии как антропологическая проблематика постколониального периода // Антропологии/Anthropologies. 2022. No 1. С. 39-51. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/39-51>

Негосударственные субъекты будут рассматриваться как составляющие «формирования власти» (*formations of power*), относящиеся к тому, как люди организованы (иногда в форме институтов) в отношении взаимных обязательств и доверия, мобилизуя и направляя деньги, ресурсы, труд и знания для достижения определенных целей. Данный термин является намеренно обобщенным, чтобы привлечь внимание к изучению вопроса о том, кто или что заставляет общество что-то делать, не предполагая, что государство всегда является наиболее значимым действующим лицом. Государство не обладает монополией на мобилизацию людей и ресурсов для достижения результатов. Исследования должны рассматривать структуру власти, сформированную в результате взаимодействия, по крайней мере, государственных учреждений, НПО и частных компаний (Liu 2018); существует множество других типов субъектов, влияющих на жизнь сообществ, которые действуют вместе с государством, вопреки ему или против него. В данной работе рассматривается деятельность некоторых негосударственных формирований власти и на основе предварительных данных делается вывод о том, насколько значительной может быть их роль в современных обществах Центральной Евразии.

Формирования власти становятся значимыми, когда им удается создать богатство и сосредоточить в своих руках влияние. Однако их воздействие на политическую экономию возможно благодаря социальным отношениям взаимозависимости, обязательств и доверия, которые позволяют координировать действия. Динамика формирования и поддержания доверия, в частности, и станет предметом дальнейшего анализа. Доверие, как можно увидеть, является ключом к эффективной организации и обеспечению сообществ. Укрепление доверия в обществе является достаточно важной задачей, в том числе и для государств. Одна из фундаментальных проблем государственного управления заключается в поддержании доверия в обществе, которое лежит в основе экономических и социально-политических отношений. Государственные законы и институты обеспечивают поддержание доверия, но они являются в лучшем случае частичным решением, поскольку официальные правила и бюрократические процедуры никогда не являются всеобщей практикой в любом обществе, а особенно в Центральной Евразии. Особое внимание к практикам поддержания доверия позволяет антропологу проследить, как организации государственных и негосударственных образований фактически реализуют власть. Институты доверия и власти до сих пор не рассматривались вместе как важный тип существующих в регионе явлений.

В данной работе формирования власти и доверия в Центральной Евразии рассматриваются как антропологическая и постколониальная проблема. Независимо от того, считать ли СССР империей (Kivelson, Suny 2017) или нет, советское правление имело по крайней мере близкое сходство с современными империями по способу и последствиям осуществления власти, сосредоточенной в столице и рассеянной среди географически и культурно отдаленных территорий. Исследования колониальных государств могут помочь понять, как имперские методы правления обусловили политические возможности жителей Центральной Евразии. Антропологические подходы, в свою очередь, могут пригодиться для изучения специфических способов мышления, выражения, восприятия и действия, которые прослеживаются в процессе взаимодействия с развивающимся колониальным наследием. Рассмотрение начинается с обоснования всепроникающей важности негосударственных властных образований в различных областях жизни Центральной Евразии, а также с первоначальной попытки их сравнения и теоретизации. Затем рассматривается антропологическое изучение этих явлений как практик, включающих поддержание доверия, политическую экономию и культурный дискурс. В заключении рассматривается вопрос о последствиях многообразного и эволюционирующего наследия советской власти для формирования условий, позволяющих негосударственным субъектам реализовывать свои проекты.

Формирования власти и доверие в Центральной Азии

Нужно ли отдельно рассматривать формы власти в Центральной Евразии? Существует мнение, что политика в данном регионе имеет тенденцию функционировать определенным образом, в соответствии с «индивидуальным обменом» конкретными наградами и способами наказания, а не в зависимости от абстрактных, безличных принципов. Примерами таких принципов являются западные модели эффективного управления: беспристрастное верховенство закона, система сдержек и противовесов власти, структурная подотчетность и прозрачность, ограничение инакомыслия, обеспечение прав граждан и меньшинств и т.д. Кроме того, они включают в себя средства идентификации и обязательства по отношению к коллективам людей, с которыми человек не знаком лично, определяемых по государственному, этническому, гендерному, половому, классовому, религиозному и другим критериям. Утверждается, что власть в Евразии в большей степени ориентирована на «патронажную» политику, где «коллективные действия [основаны] в гораздо большей степени на расширенных сетях фактического знакомства, чем на <...> “воображаемых сообществах”» (Hale 2015: 20). Хотя данный анализ «патронажной политики» касается евразийской государственной власти, описанное ниже исследование показывает, что аналогичная стратегия персонализированных обменов применима и к негосударственным формированиям власти. Прежде всего, границы того, кто является государственным, а кто негосударственным субъектом, иногда бывают неопределенными. Некоторые из рассматриваемых ниже субъектов имели государственные полномочия, но действуют и в качестве негосударственных субъектов. Известно, что сферы влияния элит в регионе охватывают как государственные, так и негосударственные структуры, такие как бизнес и другие организации (см., например, Kononenko, Moshes 2011). Более того, антропологические подходы к рассмотрению государства подтверждают размытость границ «государство-общество-рынок» и вместо этого изучают, как действующие от имени государства субъекты фактически соотносятся с другими в рамках социальных сетей (Reeves, Rasanayagam, Beyer 2014; Ferguson, Gupta 2002; Mitchell 1991). Таким образом, власть в Евразии может частично характеризоваться личными системами доверия и обязательств, которые пересекают области государства, общества и рынка.

Недавние исследования демонстрируют картину разнообразного ландшафта, занятого различными видами негосударственных субъектов и характеризующегося пересекающимися личными сетями обязательств и доверия, охватывающими различные сферы жизни. Данные кейсы могут быть рассмотрены в соответствии с видами социальных отношений, которые, как оказалось, преобладают в этих формированиях власти. Ниже рассматриваются формирования власти в Центральной Азии в ряде случаев, характеризующихся сетями социального доверия, отношениями патронажа и созданием местного социально-экономического порядка.

Давно доказано, что, помимо прочих факторов, негласные моральные представления о социальных отношениях лежат в основе экономических механизмов (Weber 1958 (1920); Polanyi 2001 (1944)). В частности, механизмы, обеспечивающие доверие, необходимы для сотрудничества в сфере торговли на протяжении всей истории человечества, будь то родственные связи в семейном бизнесе или правовые рамки, связывающие участников в современных корпорациях (Tilly 2005; Fukuyama 1995). Центральную Евразию можно рассматривать как среду с низким уровнем доверия между незнакомыми людьми, а после краха государственного социализма – с низкой уверенностью в способности правительства надежно обеспечить социальные блага. Многие исследования по этнической мобилизации и конкуренции в постсоветской Центральной Азии (их настолько много, что в рамках настоящей работы они не будут перечисляться) можно рассматривать как описывающие стремление к укреплению доверительных сообществ,

основанных на этническом родстве, в условиях недоверия и отсутствия участия государства во многих сферах жизни общества. Этническая динамика включает в себя гораздо больше, чем все перечисленное, но стремление к «узнаваемым категориям» людей, которым можно доверять в социально-экономической жизни, часто является тем элементом, который не учитывают при проведении анализа.

Аналогичным образом так называемое исламское возрождение в регионе можно рассматривать как создание доверительных отношений между мусульманами, стремящимися к добросовестности и социальной справедливости в жизни и работе. Бизнес-ассоциации «Халяль», существующие в Киргизии, Казахстане и ряде других стран, создают частные сообщества для обмена капиталом, опытом и рабочей силой в обществах, где банковские и судебные механизмы исполнения контрактов не надежны (Pak 2020; Botoeva 2020). Кем бы еще они ни были, группа «Акромия» в Андижане (Узбекистан) до резни 2005 г. была группой благочестивых бизнесменов, которые предоставляли кредиты, работу, исламское образование и благотворительную помощь городским общинам (Ikhamov 2006: 41–42; Markowitz 2013: 100–123). Их реальная угроза для узбекского государства заключалась не в вооруженном восстании как таковом, а в том, что данная группа лиц действовала как миниатюрное частное государство, обеспечивая социально-экономические потребности населенного пункта и подчеркивая недостатки национального государства (Liu 2014: 276–277). Правительство не могло смириться с этим конкурирующим формированием власти и решительно взялось за его ликвидацию.

В сельской местности Киргизии конца 2000-х годов «Рахим» быстро стал успешным бизнесменом и чиновником, имевшим опору в бывшем колхозе, расположенном вдали от предполагаемых центров (Ismailbekova 2017). Он создал социальные круги доверия, в которых ловко использовал киргизские родственные связи и традиционные представления, опираясь на религиозные ценности и образы и выставляя себя в качестве «коренного жителя», способствующего процветанию села. Меценат внушал большое доверие, обеспечивая своим клиентам доступ к нематериальным ресурсам на ферме и оказывая помощь во время кризиса (деньги, разрешение конфликтов или взаимодействие с правительством). Широкая сеть патронажа Рахима обеспечила мобилизацию ресурсов и рабочей силы для реорганизации местной экономики, финансирования строительных проектов, таких как мечеть, и влияния даже на государственную политику. Данный пример интересен тем, что показывает взаимодействие между официальными ролями и неформальными договоренностями, между институциональными правилами и личной лояльностью. Он показывает роль культуры и поэтики в построении отношений доверия и формировании органов власти, которые оказывают осязаемое экономическое и политическое воздействие.

Интригующий аналогичный случай произошел, когда Кадыржан Батыров, узбекский предприниматель, сыграл значительную роль в формировании ряда ключевых инфраструктур для поддержания повседневной жизни в Джалал-Абаде (Киргизия). Он построил обширный комплекс взаимосвязанных и оказывающих широкий спектр услуг городских учреждений: университет, типография, издательство, школа, медицинская клиника, культурные центры, торговые предприятия, магазины, базары, мечеть, театр и т.д. (Liu б.г.). Материальное присутствие и экономическое влияние этих проектов становилось все более заметным в Джалал-Абаде начиная с 1990-х годов (Liu 2015). Кадыржан Батыров был не только успешным бизнесменом, но и политическим деятелем, использовавшим новаторские методы изменения политических обстоятельств, подобно вышеприведенному «Рахиму». Под его меценатством этнические узбеки, подвергавшиеся дискриминации в городе и его окрестностях, процветали в политически

неблагоприятных условиях в 1990-х и 2000-х годах. Кадыржану Батырову удалось создать условия для оживленной экономической и профессиональной деятельности, обслуживавшей данное меньшинство, благодаря осторожной политической и риторической работе по преодолению давления со стороны киргизского государства и киргизского этнического большинства республики. Ключом к созданию его публичного образа была его идея действовать на общее благо Киргизии, в рамках которой он использовал советский троп «дружбы народов» (его университет в городе назывался Университетом дружбы народов). Он обеспечил политическую жизнеспособность для общины меньшинств, возводя при этом здания, что значительно изменило материальные, социально-экономические и политические условия Джалал-Абада в указанный период. Городские проекты К. Батырова буквально угасли во время политического кризиса 2010 г. в Киргизии, который перерос на юге республики в этнический, насильственный и разрушительный конфликт (Bond, Koch 2010) отчасти из-за серьезных и нехарактерных политических ошибок, допущенных самим К. Батыровым (Mateeva 2010: 18–20). Данный пример указывает на хрупкость усилий К. Батырова «бросить вызов политической гравитации», то есть обеспечить и поддержать процветание узбеков в масштабах одного города в условиях негостеприимной межэтнической политики Киргизии. Тем не менее, он создал влиятельную властную структуру, мобилизовав доверие и клиентскую базу в масштабах области, в результате чего возникли обширные строительные комплексы и учреждения. Он оказал огромное влияние на Джалал-Абад, что ощущалось в течение более десяти лет, несмотря на сопротивление политических и экономических сил. Если бы не кризис 2010 г. в Киргизии, начавшийся в Бишкеке по причинам, не связанным с межэтническими вопросами, возможно, комплекс институтов К. Батырова функционировал бы и в настоящее время.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что формированию власти могут характеризоваться созданием определенного социально-экономического порядка, как минимум, на местном уровне. Осуществление власти требует мобилизации и организации денег, ресурсов и труда, что влечет за собой культивирование социальных отношений доверия, а иногда и лояльности. Поскольку государства Евразии, как правило, обеспечивают лишь ограниченные политико-экономические условия и правовые рамки для процветания или успеха предпринимательских начинаний, полностью независимых от государственных субъектов, негосударственные субъекты должны сами создавать некоторые условия для своего существования. Именно поэтому бизнесмены должны быть в какой-то степени и политическими деятелями. Преобразование экономического капитала в политический реализует стремление к власти некоторых людей, таких как Кадыржан Батыров или Рахим Каримов, а достижение статуса среди политической элиты также позволяет им расширять свои предприятия и получать прибыль. Это особенно актуально в отношении Евразии, где управление формированием власти требует контроля за социально-экономическим порядком.

Некоторые рынки (базары) в Киргизии являются местами, где творческие и смелые предприниматели могут создать свои собственные зоны успешной торговой деятельности, обеспечив необходимыми политическим прикрытием и безопасностью, а также присвоив культурные сценарии и национальные чувства для оправдания своей деятельности (Spector 2017). Они дают еще один пример поддержания локальных областей социального доверия, стабильных взаимоотношений и жизнеспособного бизнеса, начиная с 2000-х годов, когда оптовые базары Киргизии, такие как «Дордой» (за пределами Бишкека), стали крупными перевалочными пунктами для китайских товаров, перевозимых через Евразию. Подобные формирования рыночного порядка осуществлялись на фоне иногда слабого и непоследовательного исполнения киргизским государством нормативных актов и контрактов и вопреки ожиданиям многих аналитиков

государственного управления. Владелец «Дордою» Аскар Салымбеков наладил отношения с высокопоставленными правительственными чиновниками, создал рыночную инфраструктуру и договорился с поставщиками, чтобы обезопасить и расширить свой рынок. «Дордой» также имел свою вертикаль власти: рыночные торговцы создали свой собственный союз и назначили из своей среды «старейшин», которые защищали и обучали продавцов на своем участке. Он вел переговоры с полицией и налоговыми чиновниками для создания упорядоченной системы налогообложения и проверок, а также выступал посредником в спорах между работниками рынка, формируя сообщество доверия, взаимопомощи и товарищества. Рынки, подобные «Дордою», стали сферами ограниченного самоуправления, формируя социально-экономический порядок, который создавал условия для процветания в масштабах большого рынка.

Власть в странах Центральной Евразии с антропологической точки зрения

Эти недавно задокументированные случаи свидетельствуют, что негосударственные акторы, оказывающие значительное влияние на жизнь местного населения, могут быть более широко распространены и разнообразны, чем считают ученые. Государству не следует отдавать предпочтение как исключительному или основному источнику политико-экономического порядка. Напротив, необходимо серьезно относиться к деятельности успешных предпринимателей-меченатов как к важным формированиям власти в Евразии. Также необходимо пересмотреть существующие взгляды на влияние «слабых государств», таких как Киргизия и Таджикистан, которые характеризуются недостатками легитимности, подотчетности, стабильности, соблюдения законов, правосудия и монополии на использование вооруженной силы (Heathershaw, Schatz 2017). Вместо беспорядка внутри государств, неэффективных в осуществлении государственных прерогатив, вышеупомянутые примеры показывают удивительно прочные и эффективные области упорядочивания и сложные взаимодействия между государственными и негосударственными субъектами, которые необходимо учитывать при любом анализе евразийской власти. Одним из следствий данного взгляда является смещение фокуса внимания с западных (а некоторые называют их неоколониальными) представлений о «сильных», управляемых, либеральных государствах. Должны или нет евразийские государства становиться более похожими на Швецию? Ответ на данный политический вопрос не входит в задачу настоящего исследования. Здесь лишь утверждается, что научный анализ механизмов власти в странах Евразии должен опираться не на критерии того, какими должны быть государства, а на реалии того, чем они на самом деле являются. Эта позиция имеет глубоко антропологический характер, поскольку данная дисциплина призвана работать с человеческой жизнью в том виде, в котором она протекает.

С антропологической точки зрения евразийское пространство власти состоит из множества участников, действующих вместе с государствами и вопреки им. Эти акторы накопили определенные инструменты для мобилизации ресурсов и оказания влияния, создавая определенные формирования власти на данной территории. Приведенные выше примеры показывают, что для накопления власти предпринимателю необходимо управлять финансово жизнеспособными предприятиями, обеспечивать политическое прикрытие со стороны различных государственных органов и создавать нарративы, опирающийся на культурные, государственные или советские образы (например, «дружба народов») для оправдания этого накопления богатства и власти. Другими словами, негосударственные формирования власти в Евразии часто могут включать в себя умение эффективно действовать в рамках существующей местной политической экономики и создавать для своего патрона образ благодетеля народа (Liu б.г.).

Антрополог может заметить, что патронами-предпринимателями, как правило, выступают мужчины, и созданный ими образ проницательных, но доброжелательных бизнесменов вызывает «маскулинные» идеалы, такие как «настоящий киргизский мужчина». В будущем, безусловно, будут востребованы исследования женщин, возглавляющих формирования власти, и их гендерной динамики (или тех, кто имеет другую гендерную принадлежность или сексуальную ориентацию). Эти персонажи также стараются соответствовать представлениям об аутентичной этнонациональной традиции и характере. К. Батыров в Джалал-Абаде тонко балансировал между патронированием узбекской культуры и вкладом в межэтническое общее благо в форме «дружбы народов». Рахим в сельской части Киргизии представлял себя как истинного и доподлинного сына Киргизии. Вероисповедание также может играть роль в формировании власти. Сплоченность организаций «халяльного бизнеса» или круга Акрама Юлдашева в Андижане отчасти обеспечивалась общей приверженностью исламским практике и этике.

Приведенные примеры показывают главную роль, которую виды социального родства играют в поддержании формирований власти, будь то апелляция к гендерным ролям, национализму, местничеству, общему благу или благочестию. В основе всех этих способов лежит забота о доверии. Предприниматели понимают, что общие начинания требуют социального доверия, и обеспечивают его с помощью различных дискурсивных механизмов, а также путем предоставления реальных материальных благ, ловко работая с политической экономией. Определенная мера доверия позволяет поддерживать неравноправные отношения взаимозависимости между меценатом и клиентами. Подход к формированиям власти как к отношениям и совокупности проявлений доверия указывает на существование старых антропологических проблем, особенно в британской и американской традициях начала и середины XX в., которые были завязаны на структурах родства, взаимности, обязательств, обмена, альянса и престижа. Формирования власти – это также механизмы доверия. Они принимают определенные формы в постколониальной Евразии.

Власть в странах Центральной Евразии с постколониальной точки зрения

Особенности негосударственных формирований власти связаны с советской эпохой и последовавшим за ней периодом. Полезно посмотреть на то, как антрополог должен подходить к изучению постколониальных изменений такого явления. Вместо того чтобы рассматривать постколониальность как неизменное явление, связанное с колонизацией, нам необходимо проследить, как люди продолжают взаимодействовать с колониальными структурами и идеями. Это обусловлено тем, что последствия бывшего колониального правления в мыслях, практиках и ситуациях субъектов меняют свою форму и значение даже спустя десятилетия после эпохи империи. Кроме этого, последствия не однородны, а множественны, поскольку колониальное правление по-разному влияло на различные категории людей (Cooper, Stoler 1997: 33). Таким образом, антропологи должны рассматривать субъектов своей этнографии как потенциально связанных со структурами, идеями и нормами, укоренившимися в их конкретном колониальном опыте. Приведенные выше примеры указывают на такое взаимодействие, как использование советских понятий, вроде «дружба народов», или культивирование личных связей с чиновниками для прикрытия бизнеса в сфере «неофициальной» экономики.

Если быть более точным, то современные колониальные государства создавали социально-экономические различия как центральную стратегию своего властвования, позволяя определенным элитам стать наиболее привилегированными (Chari, Verdery 2009: 12–18). Для достижения этой цели они создали категории проведения различий между людьми с тем, чтобы

классифицировать своих граждан и осуществлять за ними наблюдение, что выступает в качестве ключевого метода управления обширными территориями (Chatterjee 1993), поскольку «инаковость колонизированных людей не была врожденной или стабильной; их инаковость необходимо было определять и поддерживать» (Cooper, Stoler 1997: 7). Данные различия были созданы для конструирования групп с эссенциальными характеристиками, будь то расовые, этнические, языковые или религиозные. Эти характеристики стали неотъемлемой частью имперской административной организации.

Концептуальный механизм проведения различий между людьми был глубоко встроен в бюрократический аппарат СССР. Национально-этнические обозначения, хотя и не придуманные из ничего, были превращены в стабильные, стандартизированные категории государственными этнографами в 1920-1930-е годы (Hirsch 2005; Tishkov 1992). Ранее гибридные и ситуативные способы идентификации стали однозначными, фиксированными и естественными, наделив каждую группу определенной историей, материальной культурой, обычаями, языком, менталитетом и территорией. Эти определения были закреплены в этнически закодированных территориальных структурах власти и внедрены в повседневную жизнь с помощью таких инструментов, как паспорт, средние школы с образованием на определенном языке, республиканские академии наук, этническая литература и национальные театры (Liu 2011: 118–120), а также с помощью государственной политики коренизации (Martin 2001). Несмотря на то, что Москва организовала свою империю особым образом, стремясь контролировать производство товаров для перераспределения среди населения (Chari, Verdery 2009: 15), она, как и другие современные империи, задействовала бюрократическое использование человеческих категорий для натурализации демографической и географической иерархии.

Наличие подобных иерархических отношений формирует важные условия, с помощью которых негосударственные субъекты Центральной Евразии осуществляют реализацию своих проектов. Неформальные связи служили посредниками в структурных противоречиях советской политической экономии, пробиваясь сквозь географические, отраслевые и институциональные иерархии. Подобные «сквозные» сети в постсоветскую эпоху, хотя и адаптируются к новым структурам власти (Koponen, Moshes 2011), продолжают оставаться эффективными формами, с помощью которых акторы мобилизуют людей и ресурсы для достижения своих целей. Приведенные выше примеры показывают, как патроны умело выстраивают отношения доверия и взаимозависимости с госструктурами, негосударственными организациями и простыми людьми, чтобы добиться того, чего не мог эффективно сделать ни один официальный орган. Конкретные структуры взаимодействия и конкретные аргументы могут меняться со временем, но модель создания неофициальных формаций как отдельных ниш в более широком пространстве власти уходит корнями в советский опыт.

Еще одной особенностью современных империй является использование европейских научных знаний и политической философии для оправдания цивилизаторской миссии социальной инженерии по «улучшению» колонизированного населения (Cooper, Stoler 1997: 35). Марксистская цивилизационная миссия, в которой ведущая партия должна была привести разнообразные рабоче-крестьянские страны к социалистической цивилизации, была имперским экономическим и культурным проектом (Suny 2017: 251; Khalid 2007: 467). Даже если считать марксистско-ленинское государственное видение несостоятельным, остается предположение, что власть должна легитимировать себя, обеспечивая социально-экономические блага для народа и вписывая свое правление в культурный контекст. Данные примеры показывают, как патроны-предприниматели прилагали большие усилия для обеспечения материальных благ и апеллировали

к тропам этно-национальной аутентичности – тропам, сформированным отчасти в рамках советской национальной политики. Советская власть породила определенную устойчивую систему понятий легитимной власти; нынешняя легитимная власть повторяет то, за что брало на себя ответственность советское государство: экономическое обеспечение населения, переплетенное с его культурным развитием. Негосударственные формирования власти в Центральной Евразии сегодня осуществляют эту же форму государственной социалистической легитимации.

Приведенная выше аргументация относится к характеристике постколониальной власти в странах Центральной Евразии. А что насчет постколониальной природы антропологического знания об этом регионе? Эти два аспекта связаны между собой. Поскольку колониальная государственная власть осуществлялась отчасти посредством насаждения форм знания и способов осознания социального мира, данные виды эпистемологии, несомненно, переносятся на то, как антропологи, дискурсивно и институционально позиционированные в отношении колониальных проектов, касающихся Центральной Евразии (западноевропейских, американских, китайских или советских), представляют себе свои исследования. Например, не является ли преобладающая в антропологии Центральной Евразии обеспокоенность «идентичностью» отчасти результатом некритического принятия учеными идеи о том, что этническая/национальная принадлежность является наиболее важной социальной категорией? Данное предположение о народах и государствах региона возникло благодаря методам познания, применявшимся при советской власти. Когда антропологи следуют предположению о первичности этнической принадлежности, их аналитический взгляд может быть ограничен, когда они рассматривают другие социальные динамики, которые могут быть более значимыми в данном контексте, например, связи между людьми и окружающей средой, телами и пространством, местными практиками и государствами или рынками (Liu 2011: 125). Предвзятое отношение к жителям стран Центральной Евразии как к людям, определяемым в основном их этнической/национальной принадлежностью, похоже, относится к антропологам, подготовленным в рамках любой научной дисциплины, а американские антропологи, возможно, также нагружены опытом США в области расовых и этнических отношений. Однако примеры, описанные в данной работе, позволяют предположить, что размышления о евразийских структурах доверия и власти позволяют антропологу рассмотреть множество способов, при помощи которых люди формируют отношения взаимозависимости. Этничность играет определенную роль, но зачастую не решающую. В действительности же происходит значительно больше различных интересных вещей.

Заключение

В данной работе выдвигается утверждение о том, что негосударственные формирования власти широко распространены в странах Центральной Евразии в начале четвертого постсоветского десятилетия. Недавние исследования, предлагающие взглянуть на эти формирования, должны быть объединены в единую теорию и послужить основой для проведения будущих исследований, чтобы лучше охарактеризовать разнообразие и изменения постколониального пространства евразийской власти. Однако уже сейчас определенные характеристики видятся преобладающими: проходящие сквозь иерархии социальные сети, построение межличностного доверия, мобилизация ресурсов, предоставление экономической выгоды, политическое прикрытие со стороны государственных деятелей, а также этнонациональные или религиозные нарративы в качестве легитимации. «Патронажные» (Hale 2015) тенденции в данных евразийских формированиях власти переплетают политико-экономические и дискурсивно-культурные аспекты – переплетение, как будто созданное для холистического подхода антропологии.

Антропологи также способны изучить специфику многочисленных и изменчивых взаимодействий субъектов с колониальным наследием в мышлении и практике.

В перспективе постколониальная антропология, занимающаяся неформальными формациями доверия и власти, должна исследовать олигархические структуры региона, которые присваивают трудовые и природные ресурсы, увеличивают внутреннее неравенство, направляют богатство в столицы и зарубежные финансовые структуры, разрушают государства и создают экологические катастрофы. Антропология может внести уникальный вклад в рассмотрение таких проблем как в евразийском, так и глобальном масштабах.

Пер. с англ. Е.С. Трифоновой

Научная литература

- Bond A.R., Koch N.R.* Interethnic Tensions in Kyrgyzstan: A Political Geographic Perspective // *Eurasian Geography and Economics*. 2010. Vol. 51 (4). P. 531–562.
- Botoeva A.* Measuring the Unmeasurable? Production & Certification of Halal Goods and Services // *Sociology of Islam*. 2020. Vol. 8 (3–4). P. 364–386.
- Chari S., Verdery K.* Thinking between the posts: postcolonialism, postsocialism, and ethnography after the Cold War // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51 (1). P. 6–34.
- Chatterjee P.* The nation and its fragments: colonial and postcolonial histories. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Cooper F., Stoler A.L.* Tensions of empire: colonial cultures in a bourgeois world. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1997.
- Ferguson J., Gupta A.* Spatializing States // *American Ethnologist*. 2002. Vol. 29 (4). P. 981–1002.
- Fukuyama F.* Trust: the social virtues and the creation of prosperity. New York: Free Press, 1995.
- Hale H.E.* Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Heathershaw J., Schatz E.* Paradox of power: the logics of state weakness in Eurasia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017.
- Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005.
- Ilkhamov A.* The phenomenology of “Akromiya”: separating facts from fiction // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2006. No 4. P. 39–48.
- Ismailbekova A.* Blood ties and the native son: poetics of patronage in Kyrgyzstan. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2017.
- Khalid A.* Introduction: Locating the (post-) colonial in Soviet history // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26 (4). P. 465–473.
- Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia’s empires. New York: Oxford University Press, 2017.
- Kononenko V., Moshes A.* Russia as a network state: what works in Russia when state institutions do not? Basingstoke, England; New York; Helsinki, Finland: Palgrave Macmillan; Ulkopoliittinen Instituutti, 2011.
- Liu M.Y.* Central Asia in the post-Cold War world // *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 115–131.
- Liu M.Y.* Massacre through a kaleidoscope: fragmented moral imaginaries of the state in Central Asia // *Ethnographies of the state in Central Asia: performing politics* / Eds. M. Reeves, J. Rasanayagam, J. Beyer. Bloomington: Indiana University Press, 2014. P. 261–284.

- Liu M.Y.* Urban materiality and its stakes in southern Kyrgyzstan // *Quaderni Storici*. 2015. Vol. 2015 (2). P. 385–408.
- Liu M.Y.* Governance and accumulation around the Caspian: a new analytic approach to petroleum-fueled postsocialist development // *Ab Imperio*. 2018. Vol. 2018 (2). P.169–198.
- Liu M.Y.* When Elites Make the Weather and Fix Intractable Problems: Structural Power to Create Political Possibility in Kyrgyzstan. Manuscript, no date.
- Markowitz L.P.* State erosion: unlootable resources and unruly elites in Central Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Martin T.* The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.
- Mateeva A.* Kyrgyzstan in crisis: permanent revolution and the curse of nationalism in Development as state making. London: Crisis States Research Centre, 2010.
- Mitchell T.* The limits of the state: beyond statist approaches and their critics // *American Political Science Review*. 1991. No 85. P. 77–96.
- Pak Y.* Making Halal Business in Southern Kazakhstan: Combining the Soviet and Sufi Legacies? // *Sociology of Islam*. 2020. Vol. 8 (3–4). P. 307–321.
- Polanyi K.* The great transformation: the political and economic origins of our time. Boston, Mass.: Beacon Press, 2001 (1944).
- Reeves M., Rasanayagam J., Beyer J.* Ethnographies of the state in Central Asia: performing politics. Bloomington: Indiana University Press, 2014.
- Spector R.A.* Order at the bazaar: power and trade in Central Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2017.
- Suny R.G.* The Empire that Dared Not Speak Its Name: Making Nations in the Soviet State // *Current History*. 2017. Vol. 116 (792). P. 251–257.
- Tilly C.* Trust and rule. New York, NY: Cambridge University Press, 2005.
- Tishkov V.A.* The Crisis in Soviet Ethnography // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33 (4). P. 371–394.
- Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Charles Scribner's Sons, 1958 (1920).

Research Article

Liu, Morgan G. Formations of Trust and Power in Central Eurasia as a Postcolonial Anthropological Problem [Doverie i vlast' v Tsentral'noi Evrazii kak antropologicheskaja problema], *Anthropologies*, 2022, no 1, pp. 39-51, doi 10.33876/2782-3423/2022-1/39-51

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Morgan Y. Liu | <https://orcid.org/0000-0003-0295-3975> | liu.737@osu.edu | The Ohio State University, 300 Hagerty Hall, 1775 College Road, Columbus, Ohio 43210-1340, U.S.A.

Keywords

patronage, non-state power, postcoloniality, trust

Abstract

Non-state actors are playing increasingly important roles in the societies and economies of Central Eurasia, sometimes offering services to local communities that states are expected to provide. These actors are often patrons able to organize considerable resources through relations of mutual obligation and trust, yet they may not be fully recognized by scholars as a consequential trend concerning the forms that power takes in the region today. The essay reviews several examples of these local formations of trust and power, and considers them as postcolonial, anthropological problems to investigate.

References

- Bond, A.R. and N.R.Koch. 2010. Interethnic Tensions in Kyrgyzstan: A Political Geographic Perspective, *Eurasian Geography and Economics*, 51, 4: 531–562.
- Botoeva, A. 2020. Measuring the Unmeasurable? Production & Certification of Halal Goods and Services, *Sociology of Islam*, 8, 3–4: 364–386.
- Chari, S. and K. Verdery. 2009. Thinking between the posts: postcolonialism, postsocialism, and ethnography after the Cold War, *Comparative Studies in Society and History*, 51, 1: 6–34.
- Chatterjee, P. 1993. *The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Cooper, F. and A.L. Stoler. 1997. *Tensions of empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
- Ferguson, J. and A. Gupta. 2002. Spatializing States, *American Ethnologist*, 29, 4: 981–1002.
- Fukuyama, F. 1995. *Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press.
- Hale, H.E. 2015. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heathershaw, J. and E. Schatz. 2017. *Paradox of Power: the Logics of State Weakness in Eurasia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge & the Making of the Soviet Union*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Ilkhamov, A. 2006. The Phenomenology of “Akromiya”: Separating Facts from Fiction, *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4: 39–48.
- Ismailbekova, A. 2017. *Blood Ties and the Native son: Poetics of Patronage in Kyrgyzstan*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.
- Khalid, A. 2007. Introduction: Locating the (Oost-) Colonial in Soviet history, *Central Asian Survey*, 26, 4: 465–473.
- Kivelson, V.A. and R.G. Suny. 2017. *Russia's Empires*. New York: Oxford University Press.
- Kononenko, V. and A. Moshes. 2011. *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* Basingstoke, England; New York; Helsinki, Finland: Palgrave Macmillan; Ulkopoliittinen Instituutti.
- Liu, M.Y. 2011. Central Asia in the post-Cold War World, *Annual Review of Anthropology*, 40: 115–131.
- Liu, M.Y. 2014. Massacre Through a Kaleidoscope: Fragmented Moral Imaginaries of the State in Central Asia. In: *Ethnographies of the state in Central Asia: Performing Politics*, M. Reeves, J. Rasanayagam, J. Beyer (eds.). Bloomington: Indiana University Press: 261–284.
- Liu, M.Y. 2015. Urban Materiality and its Stakes in Southern Kyrgyzstan, *Quaderni Storici*, 2015, 2: 385–408.
- Liu, M.Y. 2018. Governance and Accumulation around the Caspian: a New Analytic Approach to Petroleum-fueled Postsocialist Development, *Ab Imperio*, 2018, 2: 169–198.
- Liu, M.Y. n.d. *When Elites Make the Weather and Fix Intractable Problems: Structural Power to Create Political Possibility in Kyrgyzstan*. Unpublished manuscript.
- Markowitz, L.P. 2013. *State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Martin, T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Mateeva, A. 2010. *Kyrgyzstan in Crisis: Permanent Revolution and the Curse of Nationalism in Development as State Making*. London: Crisis States Research Centre.

- Mitchell, T. 1991. The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and their Critics, *American Political Science Review*, 85: 77–96.
- Pak, Y. 2020. Making Halal Business in Southern Kazakhstan: Combining the Soviet and Sufi Legacies? *Sociology of Islam*, 8, 3–4: 307–321.
- Polanyi, K. 2001 (1944). *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, Mass.: Beacon Press.
- Reeves, M., Rasanayagam, J. and J. Beyer. 2014. *Ethnographies of the State in Central Asia: Performing Politics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Spector, R.A. 2017. *Order at the Bazaar: Power and Trade in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Suny, R.G. 2017. The Empire that Dared Not Speak Its Name: Making Nations in the Soviet State, *Current History*, 116, 792: 251–257.
- Tilly, C. 2005. *Trust and Rule*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Tishkov, V.A. 1992. The Crisis in Soviet Ethnography, *Current Anthropology*, 33, 4: 371–394.
- Weber, M. 1958 (1920). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Charles Scribner's Sons.